

Научная статья

УДК 332.14

doi: 10.47475/1994-2796-2022-10406

ДОЛГОСРОЧНЫЕ ТРЕНДЫ МЕЖРЕГИОНАЛЬНОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ

Дарья Сергеевна Бенц

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, benz@csu.ru, ORCID 0000-0003-1257-248X

Аннотация. Автор ставит цель определить, усиливается или ослабевает межрегиональная дифференциация в течение последних двадцати лет. Оценка глубины дифференциации проведена по полному перечню российских регионов. Автором предложена методика оценки, включающая индикаторы межрегиональной дифференциации — размах вариации, коэффициенты дифференциации, осцилляции и вариации. Предложены три модификации в отношении размаха вариации, коэффициентов дифференциации и осцилляции. Расчёт предложенных индикаторов проведён по четырём показателям: номинальный и реальный валовой региональный продукт на душу населения; номинальная и реальная начисленная заработная плата по полному кругу организаций. Тренды построены по реальным показателям. Доказано отсутствие влияния ценового фактора на уровень межрегиональных различий. Получено ослабление территориальной дифференциации в отношении разрыва по уровню реальной заработной платы. Показано, что регионы-аутсайдеры растут быстрее регионов-лидеров.

Ключевые слова: межрегиональная дифференциация, оценка уровня межрегиональной дифференциации, долгосрочные тренды, валовой региональный продукт на душу населения, заработная плата, номинальные и реальные величины, регионы-лидеры, регионы-аутсайдеры

Для цитирования: Бенц Д. С. Долгосрочные тренды межрегиональной дифференциации // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 4 (462). Экономические науки. Вып. 76. С. 56–71. doi: 10.47475/1994-2796-2022-10406

Original article

LONG-TERM TRENDS OF INTERREGIONAL DIFFERENTIATION

Daria S. Benz

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, benz@csu.ru, ORCID 0000-0003-1257-248X

Abstract. In the article, the author aims to determine whether interregional differentiation has been increasing or weakening over the past twenty years. The depth of differentiation was estimated according to the complete list of Russian regions. The author proposes an assessment method, including indicators of interregional differentiation such as scale of variation, coefficient of differentiation, coefficient of oscillation, coefficient of variation. The author proposes three modifications concern the range of variation, differentiation and oscillation coefficients. The proposed indicators were calculated according to four indicators: nominal and real gross regional product per capita; nominal and real accrued wages for a full range of organizations. Trends are built on real indicators. The absence of the influence of the price factor on the level of interregional differences has been proved. There is a weakening of territorial differentiation in relation to the gap in real wages. The outsider regions grow faster than the leading regions.

Keywords: interregional differentiation, assessment of the interregional differentiation level, long-term trends, gross regional product per capita, wages, nominal and real values, leading regions, outsider regions

For citation: Benz DS. Long-Term Trends of Interregional Differentiation. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2022;(4(462):56-71. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2022-10406

Постановка проблемы

Усиление межрегиональной дифференциации — это проблема, лежащая в основе проблемы пространственного развития. По сути, именно по причине возросшего внимания к вопросам территориального неравенства проблема пространственного развития и стала одной из приоритетных в региональной экономике. В научном сообществе сформированы научные школы, чьи труды всецело посвящены изучению проблемы пространственного развития [1–3]. Подробный обзор научных школ приведён автором в одной из публикаций [4]. Проблема «центра» и «периферии» не обошла вниманием и представителей уральской науки [5; 6].

Цель исследования — оценить уровень межрегиональной дифференциации по ключевым экономическим показателям.

Задачи исследования: 1. Предложить методику оценки уровня межрегиональной дифференциации. 2. Определить перечень регионов-лидеров и регионов-аутсайдеров по выбранным показателям. Оценить постоянство присутствия регионов в этих группах. 3. Оценить уровень межрегиональной дифференциации по выборочным индикаторам. 4. Построить долгосрочные тренды по предложенным индикаторам.

Некоторые авторы научных публикаций указывают на противоречивые заявления, имеющие место в различных документах. Например, принятая Указом Президента Стратегия экономической безопасности страны до 2030 г. заявляет об усилении дифференциации регионов и называет это угрозой для российской экономики. Другой документ — «Справочные материалы к подготовке проекта Стратегии пространственного развития РФ» — свидетельствует о сокращении межрегионального неравенства за последние десять лет по величине валового регионального продукта на душу населения по паритету покупательной способности [7]. Сама же Стратегия пространственного развития РФ на период до 2025 г. говорит о том, что результатом реализации инерционного сценария и станет усиление территориального неравенства, а «одним из важных результатов Стратегии станет предотвращение роста межрегионального социально-экономического неравенства». Коллектив авторов ИЭ РАН и ЦЭМИ РАН, наоборот, говорит об отсутствии как такового «сглаживания». Авторы «нащупали» интересную тенденцию: в периоды экономического роста уровень дифференциации регионов вырастает, в периоды спада и стагнации — сокращается [8].

Анализируя этапы формирования современной системы государственного регулирования регионального развития, учёные констатируют некую нелогичную реализацию «выравнивающей» политики. На этапе реализации политики выравнивания наблюдалось усиление самостоятельности регионов. В период же поляризованного развития, когда саморегулирование регионов должно было стать приоритетным, наоборот, сокращалась ресурсная база регионов, а воздействие центра лишь усиливалось [9].

В экономической литературе существует достаточное количество исследований, посвящённых математической оценке территориальных различий [10–17]. Среди наиболее распространённых показателей оценки территориального неравенства можно назвать следующие: коэффициент фондов [8; 12], децильные коэффициенты дифференциации доходов, заработной платы [8; 12], индекс Джини [11; 14–16], индекс Аткинсона [11; 14; 15], индекс Хэчмана [14], коэффициент Тэйла [14; 15], коэффициенты вариации, осцилляции и т. п. [16]. При оценке территориальных различий не последнее место занимает ценовой фактор [17], который должен быть учтён в исследовании, особенно если речь идёт о денежных единицах измерения.

Методы и материалы

На рис. 1 приведена методика оценки уровня межрегиональной дифференциации. Термином «индикаторы» назовём те показатели, которые позволяют прямо или косвенно оценить уровень межрегиональной дифференциации. Термином «показатели» — те величины, которые могут быть рассчитаны по формулам индикаторов. Перечень показателей может быть очень широким. Сюда могут быть включены любые показатели социально-экономического развития региона. Вовлечение показателей в методику зависит от целей исследования (например, оценить глубину дифференциации в области экономического, социального, демографического или какого-либо иного развития).

В соответствии с поставленными выше задачами автором проведён расчёт по следующим показателям: валовой региональный продукт на душу населения в текущих ценах (далее по тексту назовём его «номинальный»); валовой региональный продукт на душу населения в фиксированных ценах, ценах базового года — за базу примем 2001 г. — стартовый в исследовании (далее по тексту назовём его «реальный»); размер начисленной заработной платы в текущих ценах

Индикаторы относительного порядка (коэффициенты)

Индикаторы с теми же единицами измерения, что и базовый показатель

Индикаторы оценки уровня межрегиональной дифференциации

1. Коэффициент дифференциации (версия 1) = $\frac{X_{max}}{X_{min}}$
2. Коэффициент дифференциации (версия 2) = $\frac{X_{min} \text{ среди 10\% регионов - лидеров}}{X_{max} \text{ среди 10\% регионов - аутсайдеров}}$
3. Коэффициент дифференциации (версия 3) = $\frac{X_{cp} \text{ среди 10\% регионов - лидеров}}{X_{cp} \text{ среди 10\% регионов - аутсайдеров}}$
4. Коэффициент осцилляции (версия 1) = $\frac{X_{max} - X_{min}}{X_{cp}}$
5. Коэффициент осцилляции (версия 2) = $\frac{X_{min} \text{ среди 10\% регионов - лидеров} - X_{max} \text{ среди 10\% регионов - аутсайдеров}}{X_{cp} \text{ среди 80\% средней выборки}}$
6. Коэффициент осцилляции (версия 3) = $\frac{X_{cp} \text{ среди 10\% регионов - лидеров} - X_{cp} \text{ среди 10\% регионов - аутсайдеров}}{X_{cp} \text{ среди 80\% средней выборки}}$
7. Коэффициент вариации = $\frac{\text{Стандартное отклонение}}{X_{cp}}$

Индикаторы анализа тенденций

1. X_{cp}
2. Стандартное отклонение = $\sqrt{\frac{\sum_{i=1}^n (X_i - X_{cp})^2}{n-1}}$
3. X_{min} среди 10% регионов – лидеров
4. X_{max} среди 10% регионов – аутсайдеров
5. X_{cp} среди 10% регионов – лидеров
6. X_{cp} среди 10% регионов – аутсайдеров

где X или X_i – значение показателя социально – экономического развития региона;
 X_{cp} - среднее значение показателя выборки;
 X_{max} - максимальное значение показателя выборки;
 X_{min} - минимальное значение показателя выборки.

Рис. 1. Методика оценки уровня межрегиональной дифференциации (Разработано автором)
 Fig. 1. Methodology for assessing the level of interregional differentiation (Developed by the author)

по полному кругу организаций (далее по тексту назовём показатель «номинальная заработная плата»); размер начисленной заработной платы в фиксированных ценах (ценах 2001 г.) по полному кругу организаций (далее по тексту назовём показатель «реальная заработная плата»).

Статистической базой данных в исследовании выступают данные, публикуемые Росстатом. Реальные величины были рассчитаны с учётом региональных дефляторов — индексов потребительских цен, характерных для каждого конкретного региона. По показателям «номинальный» и «реальный ВРП на душу населения» временной ряд включает выборку значений за 2001–2019 гг.; по показателям «номинальная» и «реальная заработная плата» — за 2001–2020 гг. В генеральную выборку автором включены 79 регионов. Такое решение принято исходя из доступности данных (ВРП, заработной платы, индексов цен за весь рассматриваемый период). В исследовании не попали Чеченская Республика, Республика Крым, г. Севастополь. Архангельская область учитывает данные по Ненецкому автономному округу, Пермский край — данные по Коми-Пермяцкому округу, Тюменская область — данные по Ханты-Мансийскому автономному округу — Югре и Ямало-Ненецкому автономному округу.

Обратимся к методике, представленной на рис. 1. В верхней части приведены индикаторы, позволяющие оценить глубину межрегиональной дифференциации; в нижней части — индикаторы, напрямую не позволяющие оценить дифференциацию, но помогающие в сравнительном разрезе проанализировать сложившиеся тенденции.

В левой части рисунка приведены коэффициенты, которые могут быть рассчитаны как в отношении номинальных, так и реальных величин. Автором предложено по три варианта коэффициента дифференциации и коэффициента осцилляции. Первый вариант учитывает максимальный размах между регионами. Коэффициент дифференциации (версия 1) показывает, во сколько раз показатель региона-лидера превышает значение региона-аутсайдера. Но чтобы нивелировать статистические «выбросы» выборки, в ряде случаев целесообразнее исключить из анализа «топовые» и «антитоповые» регионы (несколько регионов-лидеров и несколько регионов-аутсайдеров). В этом смысле в научной литературе существует децильный подход: среди 10 % регионов-лидеров следует ориентироваться на регион с «наилучшим» значением; среди 10 % регионов-аут-

сайдеров — на регион с «наилучшим» значением [8]. При расчёте коэффициента дифференциации по версии 2 размах дифференциации будет ниже, но фактически он лучше отразит сложившуюся ситуацию. Коэффициент дифференциации по версии 3 также предполагает отношение децильных значений, но уже средних среди лидеров и аутсайдеров.

Коэффициенты осцилляции автор также предлагает рассчитывать по трём версиям. Коэффициент осцилляции показывает, какая величина размаха вариации приходится на среднее значение показателя. Вторая и третья версии также ориентированы на децильные значения, поэтому автор предлагает скорректировать знаменатель коэффициентов: среднюю величину рассчитывать не по генеральной совокупности, а по выборке 80 % регионов, исключая 10 % лидеров и 10 % аутсайдеров, но включающих те два региона, которые демонстрируют минимальное значение среди лидеров и максимальное среди аутсайдеров.

В правой части рисунка приведены индикаторы, измеряемые в тех же единицах, что и показатель, оцениваемый по предложенным индикаторам. В контексте этого исследования это рубли. Автор считает, что проводить оценку по индикаторам из правой части рисунка имеет смысл только в отношении показателей, приведённых к реальным величинам, то есть нивелировав влияние цен. В работе размах вариации также оценён по трём версиям, две из которых учитывают децильные выборки.

Результаты исследования

Прежде чем провести оценку межрегиональной дифференциации по методике, описанной на рис. 1, покажем, какие регионы по исследуемым показателям попали в группу «лидеры» и в группу «аутсайдеры» (табл. 1 и 2). Группы сформированы в соответствии со следующими принципами:

1. С точки зрения количества, в группу лидеров, как и в группу аутсайдеров, автором включены по восемь регионов — число 8 сформировано по децильному принципу. Общий размер выборки составил 79 регионов — соответственно 10 % выборки — это восемь регионов.

2. Временной ряд включает в себя период с 2001 по 2019 г. — в отношении показателей ВРП на душу населения (как номинального, так и реального) и с 2001 по 2020 г. — в отношении показателей начисленной заработной платы (аналогично — как номинальной, так и реальной).

Таблица 1
Table 1

Топ-8 регионов-лидеров и регионов-аутсайдеров по размерам номинального и реального ВРП за период с 2001 по 2019 г.
Top 8 leading regions and outsider regions in terms of nominal and real size¹ GRP for the period from 2001 to 2019

Регион	2019				2015				2010				2005				2001	
	ВРП номинальный		ВРП реальный		ВРП номинал.		ВРП реальный		ВРП номинал.		ВРП реальный		ВРП номинал.		ВРП реальный		ВРП	
	место ²	млн р.	место	млн р.	место	млн р.	место	млн р.	место	млн р.	место	млн р.	место	млн р.	место	млн р.	место	млн р.
Лидеры																		
Сахалинская область	1	2 400 858	2	514 436	1	1 716 734	2	419 072	1	977 256	2	343 974	4	230 298	3	137 717	6	84 769
Тюменская область (с учётом ХМАО и ЯНАО)	2	2 384 622	1	576 387	2	1 626 160	1	452 579	2	973 333	1	388 765	1	673 208	1	428 579	1	232 236
Чукотский автономный округ	3	1 898 635	3	379 768	3	1 226 152	3	290 699	3	767 846	4	247 271	3	237 135	5	119 181	3	123 131
г. Москва	4	1 555 587	4	329 060	4	1 102 496	4	276 967	4	730 774	3	283 629	2	381 997	2	239 773	2	134 436
Магаданская область	5	1 518 067	5	301 659	5	854 562	5	194 916	7	377 895	8	135 980	7	157 799	7	102 083	5	89 988
Республика Саха (Якутия)	6	1 258 707	6	261 297	6	780 140	6	188 233	5	403 659	5	152 520	5	191 896	4	119 792	4	105 733
г. Санкт-Петербург	7	950 587	8	193 121	7	650 340	8	154 086	9	349 254	9	127 145	12	141 796	12	87 290	16	53 525
Красноярский край	8	938 017	7	218 632	9	582 346	7	156 347	8	372 848	6	143 915	11	152 389	10	91 437	7	80 039
Республика Коми	10	873 159	10	182 832	8	613 975	9	149 323	6	390 740	7	143 257	6	176 075	6	106 460	8	75 535
Мурманская область	11	828 366	13	164 446	12	525 476	13	122 755	12	292 926	14	101 990	8	156 653	11	91 420	10	62 965
Вологодская область	26	541 319	25	119 648	22	402 652	23	102 088	25	217 827	24	83 262	9	156 380	8	98 370	17	50 934
Аутсайдеры																		
Республика Ингушетия	79	145 723	79	31 322	79	106 956	79	25 846	79	48 239	79	16 910	79	17 435	79	10 320	79	8 001
Кабардино-Балкарская Республика	78	197 218	77	38 967	78	139 909	78	32 257	77	89 668	76	32 259	72	42 253	72	26 053	70	21 834
Карачаево-Черкесская Республика	77	197 658	78	38 661	77	144 062	77	32 319	76	91 782	77	31 337	76	36 972	76	22 508	76	16 640
Республика Дагестан	76	231 886	75	49 248	71	189 575	71	45 359	75	94 884	75	34 125	77	33 840	77	22 371	78	12 562
Республика Тыва	75	243 052	71	59 500	76	150 266	75	42 229	74	100 000	69	41 628	75	38 430	73	25 526	75	17 012
Республика Северная Осетия-Алания	74	248 172	74	55 464	74	178 921	73	45 161	72	105 782	71	39 795	70	44 127	70	28 261	74	17 914
Ивановская область	73	249 592	76	46 919	75	174 688	76	38 748	73	103 280	74	35 806	73	40 039	74	24 821	73	18 947
Республика Алтай	72	268 657	70	60 705	70	196 639	69	49 119	70	108 730	70	40 770	71	43 592	71	26 513	69	22 164
Республика Калмыкия	61	327 149	64	63 696	73	185 799	74	42 416	78	84 359	78	29 614	78	33 018	78	20 437	68	22 262
Республика Адыгея	68	288 148	68	61 146	72	187 211	72	45 293	71	107 298	72	39 381	74	38 515	75	23 467	77	14 859
Республика Марий Эл	64	300 163	61	64 939	57	250 039	53	63 108	68	118 110	66	44 888	69	46 590	69	29 673	72	20 503
Алтайский край	71	271 320	73	57 899	68	204 933	67	50 636	65	124 956	64	46 381	63	53 812	64	32 903	65	23 509
Брянская область	69	280 971	72	57 974	66	207 236	68	49 823	60	129 013	73	38 877	66	51 724	68	29 944	64	24 429

¹ В ценах 2001 года.² Место в рейтинге (по выборке 79 регионов). Регионы упорядочены по убыванию значений.

Источник: составлено автором по данным Росстата.

Таблица 2
Table 2
Топ-8 регионов-лидеров и регионов-аутсайдеров по размерам номинальной (ЗН) и реальной¹ (ЗР) начисленной заработной платы² с 2001 по 2020 г.
Top 8 leading regions and outsider regions in terms of nominal and real¹ accrued wages² for the period from 2001 to 2020

Регион	2020			2015			2010			2005			2001					
	ЗН		ЗР	ЗН		ЗР	ЗН		ЗР	ЗН		ЗР	Заработная плата					
	место ³	р.	место	р.	место	р.	место	р.	место	р.	место	р.	место	р.				
<i>Лидеры</i>																		
Чукотский авт. округ	1	120 641	1	79 531	1	18 855	1	46 866	2	15 092	1	23 314	2	11 718	2	8 216		
Магаданская область	2	102 843	3	65 996	4	15 053	4	36 582	4	13 163	5	14 673	3	9 492	5	5 614		
г. Москва	3	100 070	2	20 397	2	16 156	2	38 411	3	14 908	6	14 425	6	9 054	9	4 924		
Сахалинская область	4	92 518	4	61 311	5	14 967	5	35 848	5	12 618	4	15 243	4	9 115	8	4 979		
Камчатский край	5	85 623	6	17 194	6	13 624	6	35 748	6	12 231	3	15 477	5	9 105	3	6 157		
Туменская область (с учётом ХМАО и ЯНАО)	6	78 619	5	18 337	3	15 757	3	38 213	1	15 263	2	19 838	1	12 630	1	9 980		
Мурманская область	7	69 135	9	13 185	8	10 743	7	29 308	8	10 204	8	12 510	8	7 300	6	5 387		
г. Санкт-Петербург	8	68 667	8	13 322	9	10 469	9	27 190	9	9 898	12	10 134	12	6 238	14	3 695		
Республика Саха (Якутия)	20	47 172	26	9 300	7	13 181	8	28 708	7	10 847	7	13 437	7	8 388	4	6 052		
Республика Коми	11	57 156	14	11 224	10	10 060	10	26 140	10	9 584	9	11 612	9	7 021	7	5 178		
Омская область	9	60 358	7	13 901	36	7 497	36	16 708	32	6 767	33	7 124	30	4 608	50	2 295		
<i>Аутсайдеры</i>																		
Ивановская область	79	29 083	79	5 168	74	21 161	76	4 694	66	13 123	70	4 550	68	5 144	67	3 189	68	1 764
Республика Ингушетия	78	29 648	72	6 022	71	21 481	70	5 191	68	12 855	71	4 506	60	5 449	64	3 225	71	1 758
Караево-Черкесская Республика	77	29 865	77	5 554	76	20 511	78	4 601	78	11 346	78	3 874	76	4 710	77	2 867	76	1 637
Кабардино-Балкарская Республика	76	29 899	76	5 605	75	20 866	74	4 811	76	11 663	75	4 196	77	4 653	76	2 869	78	1 625
Республика Хакасия	75	30 072	68	6 388	25	29 935	23	7 812	26	18 358	28	7 016	26	7 771	25	4 908	26	3 067
Республика Северная Осетия — Алания	74	30 479	64	6 484	73	21 267	65	5 368	75	11 818	73	4 446	72	4 722	74	3 024	74	1 703
Тамбовская область	73	31 063	70	6 241	68	21 725	63	5 407	71	12 624	66	4 806	72	5 009	68	3 156	69	1 761
Республика Мордовия	72	31 105	56	6 736	64	22 029	60	5 520	74	11 883	74	4 375	71	5 061	73	3 087	77	1 636
Республика Дагестан	71	31 342	71	6 205	79	19 239	77	4 603	79	10 244	79	3 684	79	3 660	79	2 419	79	1 172
Алтайский край	13	54 426	16	11 025	78	20 090	73	4 964	73	12 051	72	4 473	74	4 914	75	3 004	65	1 870
Республика Калмыкия	66	32 013	75	5 861	77	20 109	79	4 591	77	11 601	77	4 072	78	4 495	78	2 782	71	1 759
Чувашская Республика	69	31 844	50	7 012	72	21 369	57	5 576	67	13 004	60	5 013	70	5 073	66	3 208	73	1 726
Брянская область	67	31 946	78	5 553	69	21 679	75	4 697	72	12 326	76	4 175	66	5 235	70	3 140	67	1 817
Республика Марий Эл	63	32 278	59	6 642	65	21 947	59	5 539	70	12 651	65	4 808	73	4 938	69	3 145	75	1 657
Пензенская область	60	32 766	55	6 736	57	23 192	55	5 712	55	14 424	56	5 202	67	5 207	65	3 222	72	1 752
Ульяновская область	62	32 504	74	5 987	59	22 846	71	5 173	62	13 339	69	4 625	65	5 344	72	3 105	60	2 035
Смоленская область	59	33 139	73	5 995	55	23 470	72	5 140	52	14 513	64	4 883	48	6 191	51	3 720	48	2 384

¹ В ценах 2001 г.

² По полному кругу организаций.

³ Место в рейтинге (по выборке 79 регионов). Регионы упорядочены по убыванию значений. Источник: составлено автором по данным Росстата.

Выбор такого периода связан с доступностью данных на официальном сайте Росстата.

3. Результаты, приведённые в табл. 1 и 2, показывают перечень лидеров и аутсайдеров за каждые пять лет анализируемого периода. Это позволяет в динамике оценить сложившиеся тенденции.

4. Табл. 1 и 2 укомплектованы по принципу формирования 10 % регионов, ставших лидерами и аутсайдерами в каждом рассмотренном году по всем изучаемым показателям. Иными словами, по итогам каждого года показана восьмёрка лидеров и восьмёрка аутсайдеров, поэтому в общей сложности в таблицы попали более восьми регионов в каждой группе.

В табл. 1 приведены регионы-лидеры и регионы-аутсайдеры по показателям номинального и реального ВРП на душу населения. Можно констатировать, что за 19 исследуемых лет топ лидеров стабилен, причём как в отношении номинального, так и реального ВРП. Причём восьмёрка лидеров по состоянию на 2019 г. полностью одинакова в отношении и номинального, и реального ВРП.

Из восьми регионов-лидеров по состоянию на 2019 г. шесть регионов попали в группу лидеров в каждый рассмотренный год. Это Сахалинская область, Тюменская область, Чукотский автономный округ, город Москва, Магаданская область и Республика Саха — Якутия. Город Санкт-Петербург, занимавший в 2019 г. седьмое место по показателю «номинальный ВРП на душу населения» и восьмое место по показателю «реальный ВРП на душу населения», укрепил свои позиции к 2015 г. Ранее в перечень регионов-лидеров он не входил. Вологодская область, наоборот, потеряла свои позиции. На сегодня она занимает 26-е место по показателю «номинальный ВРП на душу населения» и 25-е — по показателю «реальный ВРП на душу населения». В перечень лидеров этот регион попал исключительно по причине восьмого места по показателю реального ВРП на душу населения в 2005 г. Во все остальные годы регион никак не может быть назван «регионом-лидером».

С регионами-аутсайдерами ситуация аналогичная, но они несколько более мобильны внутри своей группы. В течение анализируемого периода они демонстрируют менее статичные места. Из восьми регионов «антитопа» только три региона — Республика Ингушетия, Карачаево-Черкесская Республика, Ивановская область — стабильно попадают в восьмёрку аутсайдеров. Некоторые регионы попали в перечень аутсайде-

ров лишь в некоторые годы. Например, Брянская область лишь дважды (в 2010 и 2019 гг.) попала в этот список, причём только по уровню реального ВРП на душу населения. Это свидетельствует о том, что рост цен за рассматриваемый период в Брянской области превысил аналогичные значения в других регионах-аутсайдерах. И действительно, цены в Брянской области выросли в 6,29 раза, в то время как в Ивановской области — в 6,19 раза, Карачаево-Черкесской Республике — в 5,78 раза, в Республике Ингушетия — в 5,36 раза¹.

В табл. 2 приведён перечень регионов-лидеров и регионов-аутсайдеров с указанием места в рейтинге и значениями номинальной начисленной заработной платы по полному кругу организаций и также значениями заработной платы, рассчитанной автором в фиксированных ценах (ценах 2001 г.) с учётом региональных дефляторов (индексов потребительских цен). В части того, что в восьмёрку лидеров входят пять регионов, являющихся бессменными лидерами, здесь ситуация аналогичная той, что мы наблюдали в табл. 1. Состав лидеров практически стабилен. Чукотский автономный округ, Магаданская область, Сахалинская область, Камчатский край и Тюменская область — те регионы, которые по показателям номинальной и реальной заработной платы в каждый рассмотренный год попали в перечень регионов-лидеров. Наибольшую мобильность показали Республика Саха — Якутия и Омская область, которые из года в год не демонстрируют стабильно лидерских позиций. Если в 2001 г. Омская область занимала аж 50-е место, то к 2020 г. по уровню реальной заработной платы область попала на 7-е место. Республика Саха — Якутия, наоборот, сдала свои позиции: с 4-го места в 2001 г. регион переместился на 20-е место по размеру номинальной заработной платы и 26-е место — по размеру реальной заработной платы в 2020 г.

Опять же среди аутсайдеров перемещение регионов внутри антирейтинга является более динамичным, поэтому в таблицу попали 17 регионов, в какие-либо годы занимавшие одно из восьми мест. Только два региона как по номинальной, так и по реальной заработной плате попадали в восьмёрку худших в каждый рассмотренный год. Это Карачаево-Черкесская Республика и Кабардино-Балкарская Республика. Среди регионов-

¹ Рассчитано автором на основе индексов потребительских цен, опубликованных на официальном сайте Росстата.

аутсайдеров есть регионы, которые укрепили свои позиции в течение изучаемых двадцати лет, а есть регионы, которые, наоборот, демонстрируют отрицательную динамику. К первым можно отнести Пензенскую область и Республику Марий Эл. В 2001 г. Пензенская область занимала восьмое место с конца, а в дальнейшие годы ни разу не попала в перечень аутсайдеров — ни по значению номинальной, ни по значению реальной заработной платы. Республика Марий Эл, будучи 75-й в 2001 г. и 73-й по значению номинальной зарплаты в 2005 г., в последующие годы также в антирейтинг не попадала. Смоленская область, наоборот, потеряла свои позиции, причём именно по величине реальной заработной платы. В 2015 и 2020 гг. область занимала 72-е и 73-е места при том, что по размеру номинальной заработной платы она была на 55-м и 59-м местах соответственно. Это вновь свидетельствует о более высоком темпе роста цен в этом регионе в сравнении с другими регионами-аутсайдерами. В Смоленской области цены за двадцатилетний период выросли в 5,98 раза.

Если проводить сравнение по перечням регионов, попавших в табл. 1 и 2, то среди лидеров мы увидим совпадение по пяти регионам: Чукотский автономный округ, г. Москва, Сахалинская, Тюменская и Мурманская области представляют собой перечень регионов-лидеров как по значениям заработной платы (номинальной) в 2020 г., так и по значениям ВРП на душу населения (и номинального, и реального) в 2019 г. Среди аутсайдеров четыре региона попали в антирейтинг по тем же совпадениям. Это Республики Ингушетия, Кабардино-Балкарская, Карачаево-Черкесская и Северная Осетия — Алания. Такая ситуация говорит о наличии связи между показателями: если регион является обеспеченным в отношении размера ВРП на душу населения, то с большой вероятностью в этом регионе и заработные платы будут выше, что вполне логично.

Стоит отметить, что размах значений внутри децильных групп достаточно высок. Так, например, в 2019 г. по размеру реального ВРП на душу населения уровень дифференциации (отношение значения региона, занимающего первое место, к региону, занимающему восьмое место) составил 2,98. Размах значений внутри последней децильной группы меньше — среди группы аутсайдеров аналогичное соотношение на ту же дату составило 1,85. Надо сказать, что уровень межрегиональной дифференциации по размеру реального ВРП в принципе за весь период 2001–2019 гг.

среди регионов-лидеров был выше, нежели среди регионов-аутсайдеров. Максимальный уровень дифференциации среди регионов-лидеров был отмечен в 2005 г. и составил 4,36 раза, минимальный — в 2016 г. — 2,69. Среди регионов-аутсайдеров не наблюдается даже трёхкратной разницы: все годы демонстрируют меньшие значения, за исключением 2002 г., когда соотношение составило 3,21. Минимальный размах пришёлся на 2014 г. и составил 1,49 раза. Среднее значение такого соотношения за весь период для регионов-лидеров составило 3,33 раза, для регионов-аутсайдеров — 2,12.

В части аналогичного соотношения по уровню реальной заработной платы размах как среди лидеров, так и среди аутсайдеров оказался существенно ниже: 1,22 — среди аутсайдеров, 1,83 — среди лидеров. Причём среди регионов-лидеров можно наблюдать тенденцию к сокращению уровня дифференциации: в 2001 г. размах составлял 1,5 раза, в 2020 г. значение составило 1,17. И это чётко выраженная тенденция — постепенно за весь период значение сокращается. Среди лидеров такой тенденции нет. Можно сказать, что такое соотношение развивается по параболе: в 2001 г. размах составил 2 раза, далее идёт тенденция к его сокращению к 2009–2010 гг., а после 2010 г. размах опять нарастает и в 2020 г. резко поднимается до 4,46 раза.

Далее проведём оценку уровня межрегиональной дифференциации по методике, предложенной на рис. 1. На рис. 2–6 приведена динамика индикаторов, рассчитанных по показателю «реальный ВРП на душу населения». На рис. 2 отображена динамика минимального значения показателя среди 10 % регионов-лидеров и максимального значения — среди 10 % регионов-аутсайдеров. Расстояние между кривыми свидетельствует о размахе вариации (по версии 2). Расстояние растёт, что, казалось бы, говорит о нарастающей дифференциации. Но значение размаха (приведено на рис. 4) измеряется в абсолютных единицах — рублях, а потому нельзя здесь однозначно заявлять о нарастающей дифференциации. Если предположить, что темп роста всех регионов приблизительно равный, то большие значения при тех же темпах будут расти в абсолютном выражении на большую сторону, нежели малые значения. В относительном измерении — что видно на рис. 5 — коэффициент дифференциации (версия 2) за весь исследуемый период не растёт. Он нестабильно колеблется год от года, но всегда остаётся в коридоре значений от 3,05 до 3,78.

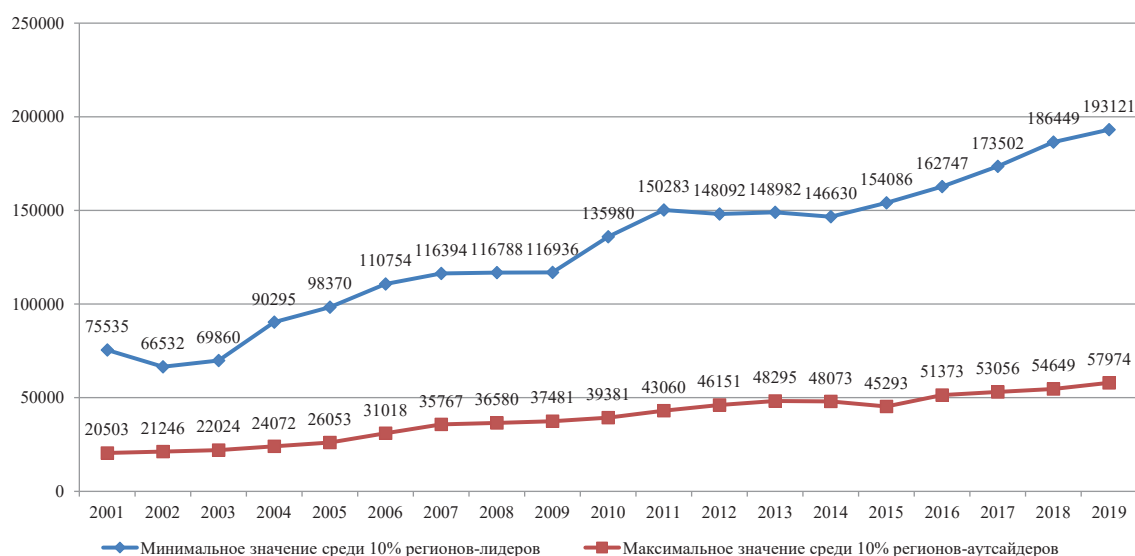

Рис. 2. Динамика минимального значения среди 10 % регионов-лидеров и максимального значения среди 10 % регионов-аутсайдеров объёмов реального ВРП на душу населения (в ценах 2001 г.), р. Здесь и далее рассчитано автором по данным Росстата.

Fig. 2. Dynamics of the minimum value among 10% of the leading regions and the maximum value among 10% of the outsider regions of the volume of real GRP per capita (in 2001 prices), rubles. Here and further calculated by the author according to Rosstat.

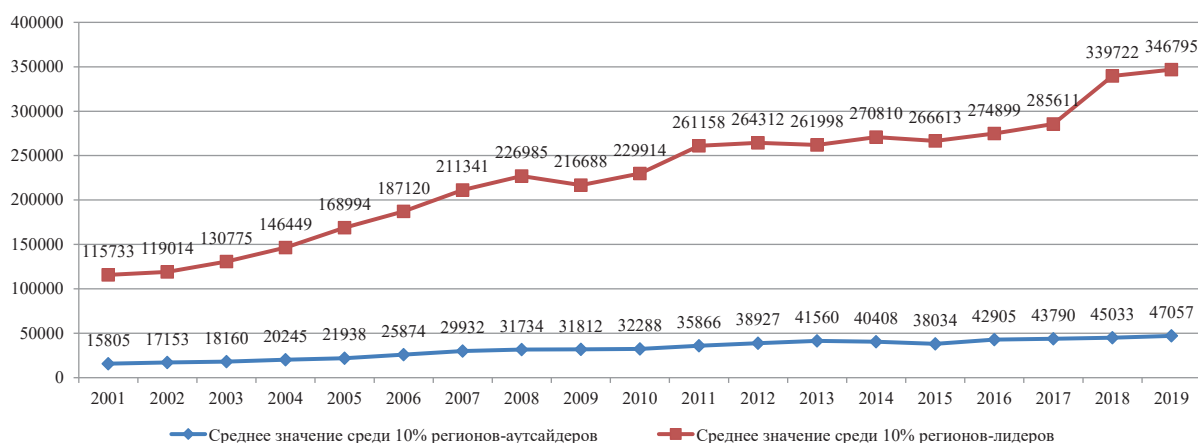

Рис. 3. Динамика средних значений объёмов реального ВРП на душу населения первой и десятой децильных групп (в ценах 2001 г.), р.

Fig. 3. Dynamics of average values of real GRP per capita of the first and tenth decile groups (in 2001 prices), rubles

В долгосрочном периоде можно констатировать, что дифференциация даже падает.

Самый наибольший размах вариации (рис. 4) можно наблюдать по версии 1. И рост этого размаха является также наибольшим — в сравнении с версиями 2 и 3. Опять же такой рост вполне логичен и в явном виде не говорит о нарастающей межрегиональной дифференциации. Объясняется это двумя причинами: во-первых, в этом случае размах вариации рассчитывается по самым крайним регионам (разность между лидером и аутсайдером), во-вторых, топ лидеров со своими боль-

шими числами в принципе статистически выбирается из всей выборки. На рис. 5 видно, что коэффициент дифференциации (версия 1) существенно падает. За последние пять лет он несколько подрос, но долгосрочный тренд явно фиксирует падение (особенно с 2005 г., когда он составлял 41,53). В 2019 г. лидер опережает аутайдера по показателю ВРП на душу населения в ценах 2001 г. в 18,4 раза. За период с 2001 по 2011 г. соотношение было выше, а в ряде лет существенно выше.

Если же мы обратимся к индикаторам по версии 3, то здесь растёт размах вариации (рис. 3

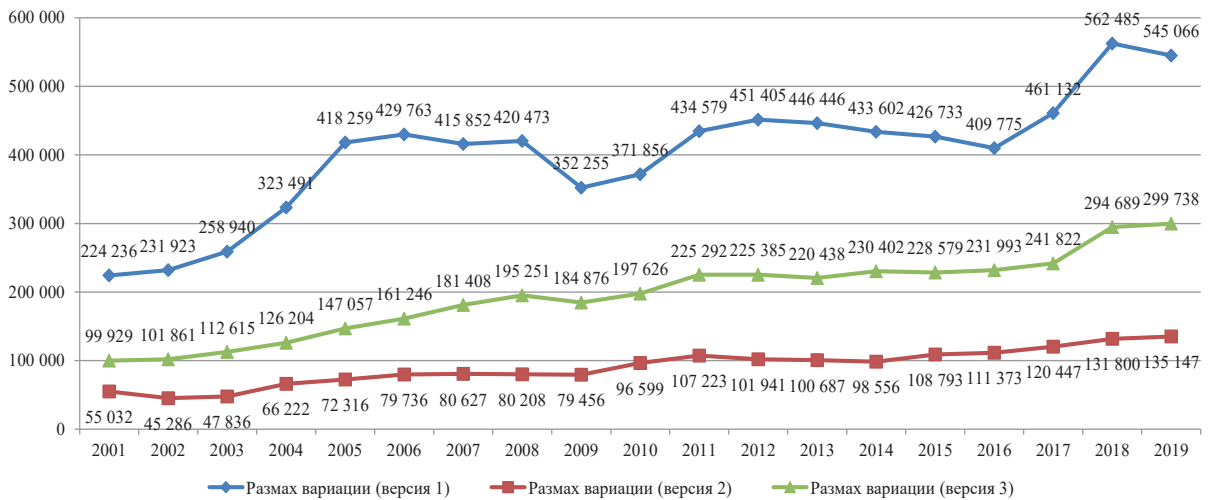

Рис. 4. Динамика размаха вариации объёмов реального ВВП на душу населения (в ценах 2001 г.), р.
 Fig. 4. Dynamics of the scale of variation in the volume of real GRP per capita (in 2001 prices), rubles

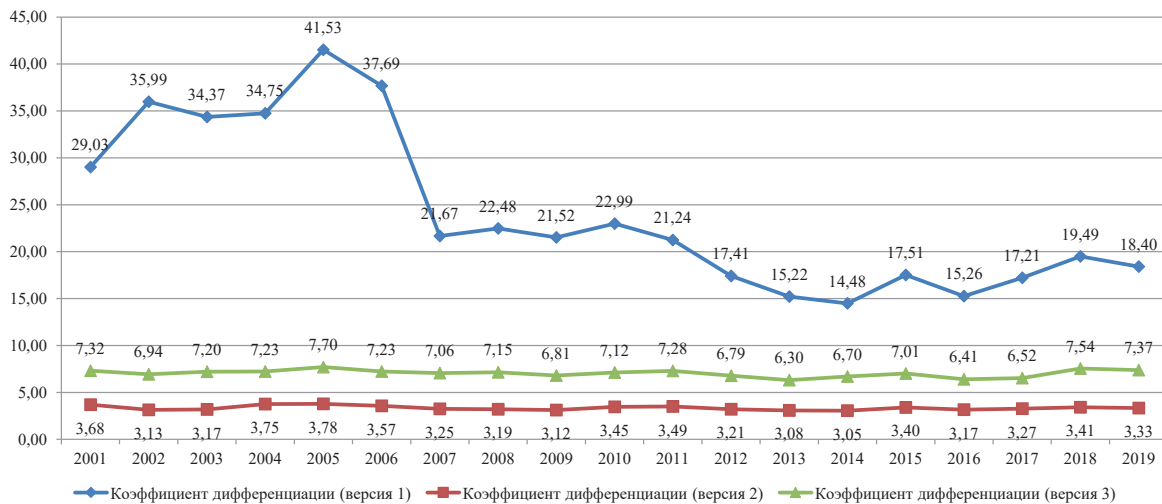

Рис. 5. Динамика коэффициентов дифференциации по уровню реального ВВП на душу населения (в ценах 2001 г.)
 Fig. 5. Dynamics of differentiation coefficients by the level of real GRP per capita (in 2001 prices)

и 4) как в абсолютном выражении, так и коэффициент дифференциации (рис. 5) в относительном измерении, хотя последний вырос очень несущественно. Это говорит о том, что средние значения между децильными группами несколько отдаляются друг от друга. Коэффициент дифференциации (версия 3) выше коэффициента дифференциации (версия 2), но в части динамики также ведёт себя нестабильно и практически не растёт. Коэффициент изменяется в диапазоне 6,30–7,54. Здесь можно сказать лишь о том, что за два последних года значения несколько выше, чем за предыдущие 12 лет.

Относительно коэффициентов осцилляции (рис. 6), здесь можно констатировать несколько сложившихся тенденций. В долго-, средне-

и краткосрочной перспективах динамики несколько разнятся. В долгосрочном периоде (если брать весь исследуемый период 2001 г.) уровень межрегиональной дифференциации по этому индикатору падает — во всяком разе, точно не растёт. По версии 1 мы видим чётко выраженный снижающийся тренд с 2005 г. Размах вариации, приходящийся на значение среднестатистического российского региона, только падает. В относительно краткосрочной перспективе дифференциация нарастает (с 2017 г.). С другой стороны, значение 2019 г. примерно равно тем значениям, которые в среднесрочной перспективе наблюдались с 2009 г.

Не всё однозначно и с динамикой коэффициентов осцилляции по версиям 2 и 3. В долгосрочной

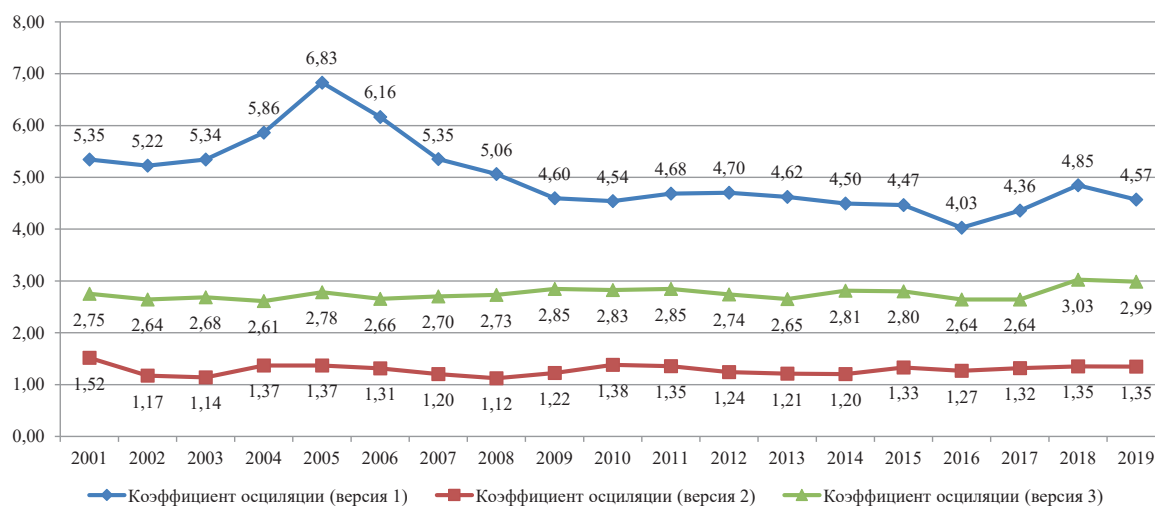

Рис. 6. Динамика коэффициентов осцилляции по уровню реального ВРП на душу населения (в ценах 2001 г.)

Fig. 6. Dynamics of oscillation coefficients by the level of real GRP per capita (in 2001 prices)

перспективе коэффициент осцилляции по версии 2 падает. Но это происходит, если мы анализируем крайние значения — 2019 г. сопоставляем с 2001 г. Видно, что значение 2001 г. несколько выбивается из всей выборки. И если сократить исследуемый диапазон до периода 2002–2019 гг., то ситуация становится противоположной, коэффициент то падает, то растёт, но в общем смысле тренд всё же растущий. По версии 3 коэффициент осцилляции также является растущим. Самые большие значения в принципе приходятся на 2018 и 2019 гг.

Аналогичное исследование по тому же перечню индикаторов автор провёл и в отношении показателя «реальная заработная плата». Результаты расчётов приведены на рис. 7–11. Размах вариации к 2020 г. вырос по всем трём вариантам (версиям) расчёта (рис. 9). Но важно понимать, что в 2020 г. Чукотский автономный округ показал очень высокое значение реальной заработной платы, поэтому среднее значение среди 10 % регионов-лидеров оказывается завышенным. В связи с этим результаты, которые мы получаем по итогам расчётов индикаторов по версиям 1 или 3, оказываются несколько искажёнными вследствие такого статистического «выброса». По версии 1 Чукотский автономный округ искажает значение в связи с тем, что именно он и явился лидером по состоянию на 2020 г. И по версии 3 он также попадает в выборку. Так, например, если рассчитать среднее значение реальной заработной платы в 2020 г. по выборке 10 % лидеров, то есть с учётом указанного округа, то это значение на 33 % будет превышать среднее значение по выборке восьми лидеров, но исключаяющей Чукотский ав-

тономный округ. По этой причине размах вариации по версиям 1 и 3, динамика которых представлена на рис. 9, в 2020 г. так существенно возрастает. И на рис. 8 виден рост среднего значения показателя 10 % лидеров к 2020 г.

Если исключить из анализа 2020 г., то долгосрочный тренд коэффициента дифференциации по версии 1 имеет устойчивую тенденцию к снижению. И нужно сказать, что и два других коэффициента дифференциации (версии 2 и 3) в долгосрочной перспективе также снижаются. Коэффициент дифференциации (версия 2) имеет два, даже три ярко выраженных цикла (рис. 10). Первый приходится на период с 2001 по 2007 г. Внутри этого периода уровень межрегиональной дифференциации снижается. Следующий цикл приходится на 2008–2018 гг. Внутри этого периода коэффициент также устойчиво снижается. С 2016 по 2019 г. можно увидеть обратную тенденцию — к росту. Вероятно, это третий цикл, но полное понимание растущего тренда станет очевидно позднее. Ровно те же три цикла — три тренда — можно увидеть и по динамике коэффициента осцилляции (версия 2), что представлена на рис. 11. Опять же в долгосрочной перспективе все три коэффициента осцилляции снижаются. Но в циклическом смысле ведут себя несколько по-разному. Коэффициент по версии 3 имеет примерно ту же динамику, что и коэффициент по версии 2. А вот что касается коэффициента по версии 1, то здесь можно выделить два других явно выраженных цикла — с другой длительностью (2001–2010 и 2010–2017 гг.). До 2010 г. значение коэффициента падает, причём устойчиво, а далее до 2017 г. растёт, после чего несущественно,

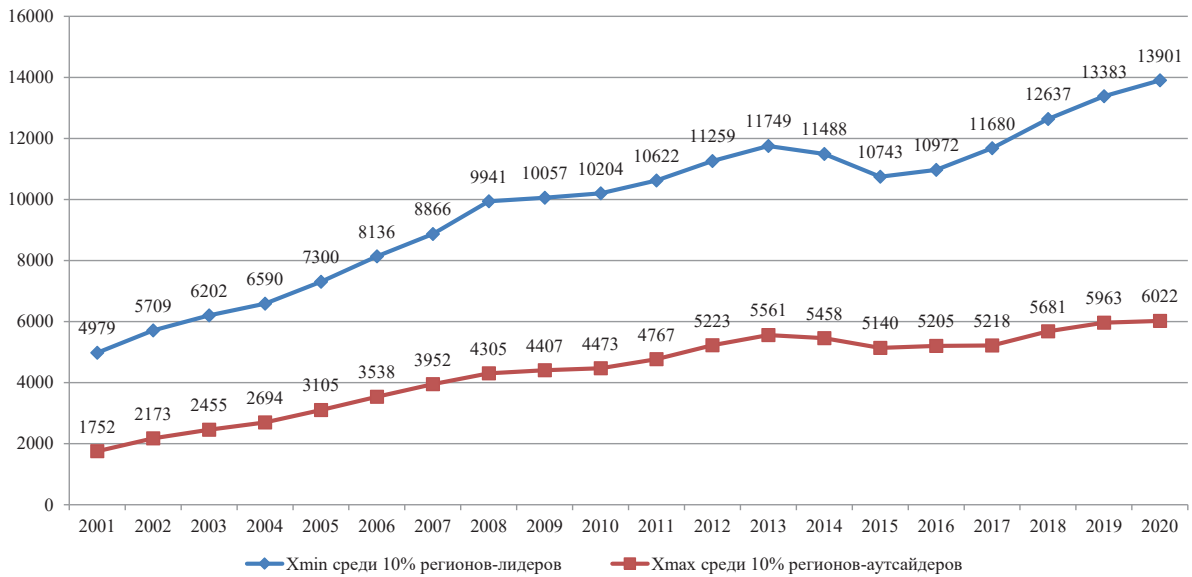

Рис. 7. Динамика минимального значения среди 10 % регионов-лидеров и максимального значения среди 10 % регионов-аутсайдеров размера реальной (в ценах 2001 г.) заработной платы, р.

Fig. 7. Dynamics of the minimum value among 10% of the leading regions and the maximum value among 10% of the outsider regions of the size of real wages (in 2001 prices), rubles

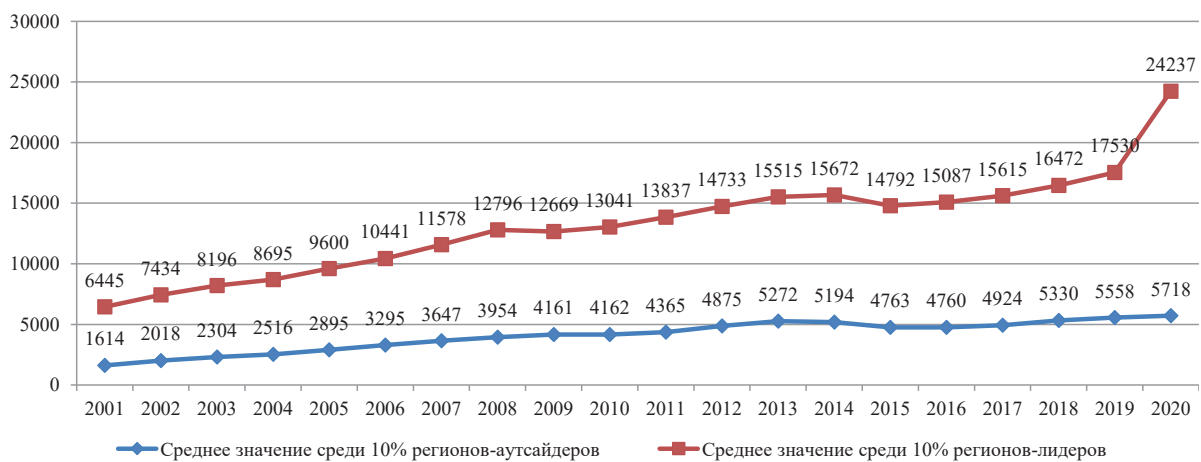

Рис. 8. Динамика средних значений размеров реальной заработной платы первой и десятой децильных групп (в ценах 2001 г.), р.

Fig. 8. Dynamics of average values of real wages of the first and tenth decile groups (in 2001 prices), rubles

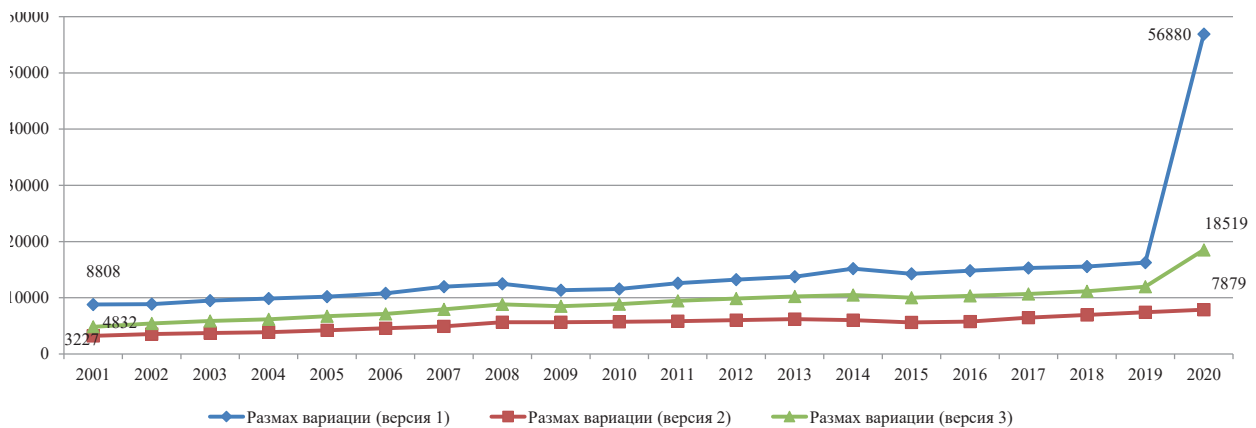

Рис. 9. Динамика размаха вариации размеров реальной заработной платы (в ценах 2001 г.), р.

Fig. 9. Dynamics of the scale of variation in the size of real wages (in 2001 prices), rubles

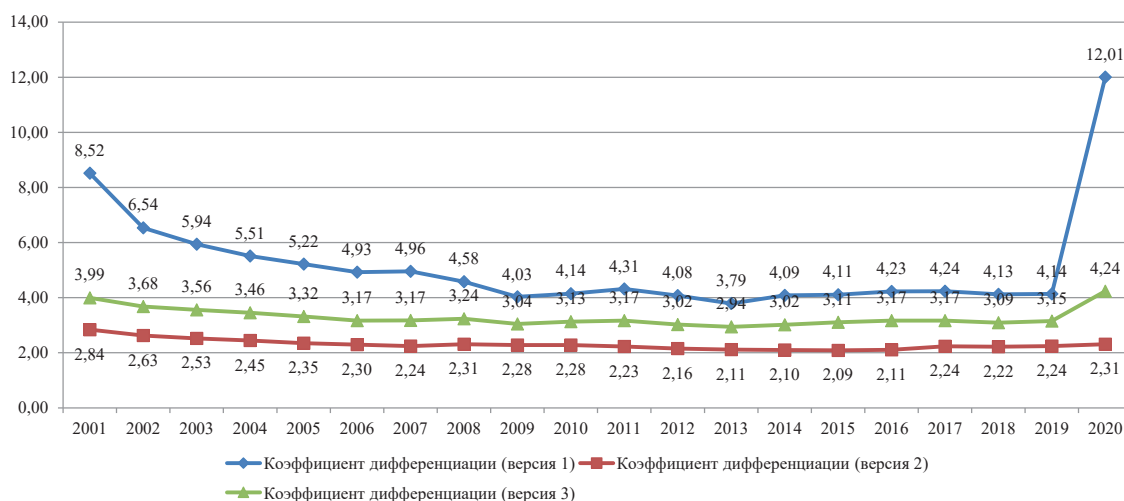

Рис. 10. Динамика коэффициентов дифференциации по уровню реальной заработной платы (в ценах 2001 г.)

Fig. 10. Dynamics of differentiation coefficients by the level of real wages (in 2001 prices)

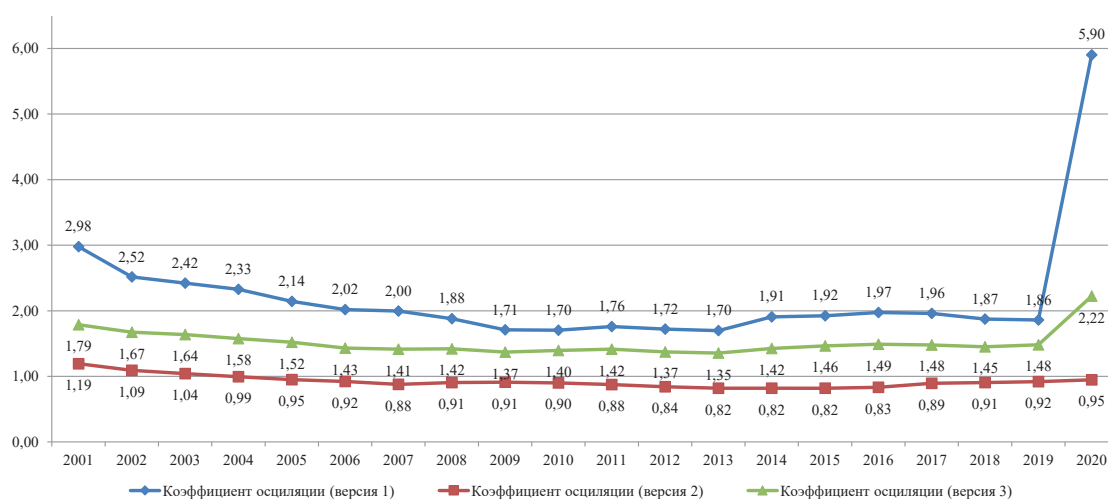

Рис. 11. Динамика коэффициентов осциляции по уровню реальной (в ценах 2001 г.) заработной платы

Fig. 11. Dynamics of oscillation coefficients by the level of real wages (in 2001 prices)

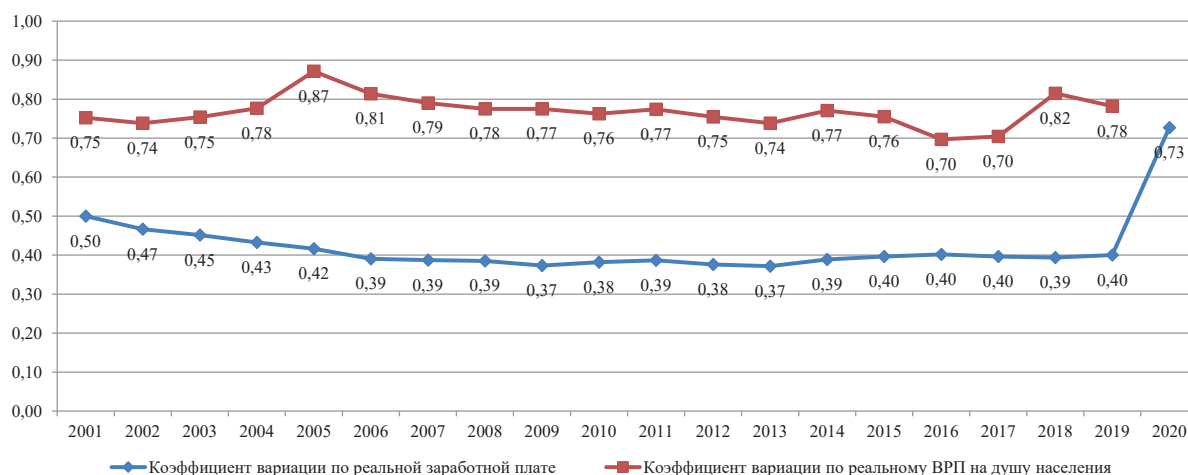

Рис. 12. Динамика коэффициентов вариации по уровню реального ВВП на душу населения и реальной заработной платы (в ценах 2001 г.)

Fig. 12. Dynamics of coefficients of variation in terms of real GRP per capita and real wages (in 2001 prices)

но всё же опять снижается. В 2020 г. резко растёт — причина этому выше уже озвучена.

Что касается коэффициентов вариации (рис. 12), то коэффициент вариации по реальной заработной плате повторяет ровно те же циклы, что и коэффициент осцилляции по заработной плате по версиям 2 и 3. Стандартное отклонение, которое представляет собой числитель коэффициента вариации, рассчитано автором по всей генеральной выборке, то есть без учёта децильных групп. Коэффициенты осцилляции по версиям 2 и 3 учитывают значения децильных групп. Тем не менее геометрия этих трёх индикаторов повторяет друг друга. Поэтому можно предположить, что коэффициент вариации, несмотря на учёт в выборке как всех лидеров, так и всех аутсайдеров, можно назвать индикатором, вполне репрезентативно отражающим уровень межрегиональной дифференциации.

Коэффициент вариации, рассчитанный по реальному ВРП на душу населения, имеет иную геометрию. Устойчивый рост межрегиональной дифференциации по этому показателю наблюдается с 2002 по 2005 г., далее до 2010 г. можно видеть устойчивое снижение. Минимальное значение индикатор принимает в 2016 и 2017 гг. Если говорить про долгосрочный тренд — то явно выраженный тренд отсутствует. Усреднённо можно констатировать некое постоянство значения.

Заключение

Проведённые расчёты лишней раз доказали сомнения некоторых авторов в отношении устойчиво выраженных динамик усиления или же ослабления межрегиональной дифференциации [7; 8], а также результаты исследования тех авторов, кто констатирует тенденции сглаживания межрегиональных различий [16].

Проведя оценку межрегиональной дифференциации по выборочным показателям, можно сделать следующие выводы. Во-первых, однозначного тренда в отношении уровня межрегиональной дифференциации нет. Причём это касается как показателя «реальный ВРП на душу населения», так и показателя «реальная начисленная заработная плата по полному кругу организаций». С полной уверенностью можно говорить о том, что межрегиональная дифференциация не усиливается. Если бы регионы-лидеры росли быстрее регионов-аутсайдеров, это увеличивало бы разрыв между ними. Но ситуация явно противоположная. В частности, по показателю реального ВРП на душу населения «худший» лидер (среди 10 % лидеров) растёт медленнее «лучшего аутсайде-

ра» (среди 10 % аутсайдеров) — рост 2,55 против 2,83 раза, а разница между ростом «лучшего» лидера и «худшего» аутсайдера ещё больше: 2,48 против 3,9 раза. Что касается неких средних значений, то здесь и вовсе наблюдается равенство. «Средний» лидер по показателю реального ВРП на душу населения за период 2001–2019 гг. вырос в 2,99 раза. «Средний» аутсайдер — в 2,98 раза. Такие цифры никак не могут ориентировать в сторону роста дифференциации регионов.

Относительно показателя реальной заработной платы здесь несколько другие цифры роста, но они свидетельствуют даже о сокращении межрегиональных разрывов. «Лучший» аутсайдер за период 2001–2020 гг. растёт куда быстрее «худшего» лидера — 3,44 раза против 2,79, хотя «средний» лидер растёт всё же быстрее (3,76) «среднего» аутсайдера (3,54). Но последние цифры не являются показательными, опять же вследствие присутствия Чукотского автономного округа, который в 2020 г. увеличил среднюю величину реальной заработной платы. Если же исключить из анализа 2020 г., то рост показателя за период 2001–2019 гг. составил 2,72 раза — это динамика «среднего» лидера, в то время как «средний» аутсайдер демонстрирует рост в 3,44 раза.

Во-вторых, уровень цен в регионах хотя и различен, но существенно не влияет на индикаторы межрегиональной дифференциации. Соотношение сил как в отношении номинальных показателей, так и в отношении реальных, примерно одинаково. Разрыв в индексах потребительских цен существует, но он не столь критичен. Так, например, к 2020 г. ИПЦ к базовому 2001 г. в Саратовской области показывает минимальное значение, равное 4,14 раза, в Еврейской автономной области максимальное — 5,81 раза.

С одной стороны, казалось бы, есть связь между значением индекса цен и рейтингом региона. Например, три региона — Кабардино-Балкарская, Карачаево-Черкесская республики и Ивановская область входят в топ-15 регионов с наибольшим значением индекса цен. И эти же регионы попали в группу «худших». Но по факту такой связи (чем больший рост цен показывает регион, тем ниже по рейтингу исследуемых показателей он расположен) не выявлено. Некоторые из регионов (Магаданская область, г. Санкт-Петербург), где цены также выросли существенно, попали в группу лидеров, причём как по номинальной, так и по реальной заработной плате. Корреляция между индексом потребительских цен и исследуемыми показателями близка к нулю.

В-третьих, если и можно говорить об относительном росте уровня межрегиональной дифференциации, то только в отношении коэффициента вариации, рассчитанного по номинальным значениям ВРП на душу населения. Даже в отношении реального значения, по которому нет явно выра-

женного тренда (рис. 12), можно сказать, что явного углубления межрегиональной дифференциации всё же нет.

В-четвёртых, в отношении реальной заработной платы можно констатировать даже ослабление межрегиональной дифференциации.

Список источников

1. Зубаревич Н. В. Стратегия пространственного развития: приоритеты и инструменты // Вопросы экономики. 2019. № 1. С. 135–145.
2. Крюков В. А., Коломак Е. А. Пространственное развитие России: основные проблемы и подходы к их преодолению // Научные труды Вольного экономического общества России. 2021. Т. 227, № 1. С. 92–114.
3. Минакир П. А. «Стратегия пространственного развития» в интерьере концепций пространственной организации экономики // Пространственная экономика. 2018. № 4. С. 8–20.
4. Бенц Д. С. Эффективность пространственного развития территории как индикатор оценки деятельности региональной власти: кейс Челябинской области // Управленец. 2021. Т. 12, № 6. С. 49–66.
5. Бархатов В. И., Капкаев Ю. Ш., Плетнёв Д. А. Центры и периферия Урала и Поволжья в условиях «новой нормальности» // Социум и власть. 2019. № 5 (79). С. 65–82.
6. Pletnev D., Barkhatov V. Life quality in the Center and Periphery of the Urals and the Volga regions // E3S Web Conf. 2021. Vol. 258. DOI: 10.1051/e3sconf/202125807044
7. Бухвальд Е. М. «Саморазвитие» регионов и приоритеты регулирования пространственной структуры российской экономики // Федерализм. 2018. № 2 (90). С. 32–45.
8. Бахтизин А. Р., Бухвальд Е. М., Кольчугина А. В. Выравнивание регионов в России: иллюзии программы и реалии экономики // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2016. № 1. С. 76–91.
9. Баранов С. В., Самарина В. П., Шаталова Т. А. Территориальная политика Российской Федерации и неравномерность пространственного развития // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2–1. С. 280.
10. Ворошилов Н. В., Губанова Е. С. Дифференциация территорий и механизм её снижения // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11, № 6. С. 57–72.
11. Гришина Е. Е., Казакова Ю. М., Ляшок В. Ю. Дифференциация заработной платы в России: региональный и профессиональный аспекты // Вопросы статистики. 2016. № 11. С. 45–52.
12. Жаромский В. С., Мигранова Л. А., Токсанбаева М. С. Социально-экономическое неравенство в России: динамика и методы оценки // Народонаселение. 2018. Т. 21, № 4. С. 79–95.
13. Кривошлыков В. С., Жахов Н. В., Фомичёва Л. М. Экономика и управление межрегиональной дифференциацией с позиций экономической безопасности // Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета. 2017. Т. 17, № 2. С. 27–30.
14. Малкина М. Ю. Исследование факторов межрегиональной конвергенции/дивергенции реальных доходов и «социального благополучия» регионов РФ // Journal of Economic Regulation. 2015. Т. 6, № 4. С. 111–119.
15. Малкина М. Ю. Социальное благополучие регионов Российской Федерации // Экономика региона. 2017. Т. 13, № 1. С. 49–62.
16. Кривошлыков В. С., Жахов Н. В. Экономика и управление межрегиональной дифференциацией // Вестник НГИЭИ. 2017. № 1 (68). С. 119–129.
17. Перевышин Ю. Н., Синельников-Мурылев С. Г., Трунин П. В. Факторы дифференциации цен в российских регионах // Экономический журнал Высшей школы экономики. 2017. Т. 21, № 3. С. 361–384.

References

1. Zubarevich NV. Strategiya prostranstvennogo razvitiya: priority i instrumenty. *Voprosy Ekonomiki = Economic issues*. 2019;(1):135-145. (In Russ.).
2. Kryukov VA, Kolomak EA. Prostranstvennoye razvitiye Rossii: osnovn-yye problemy i podkhody k ikh preodoleniyu. *Nauchnyye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii = Scientific works of the Free Economic Society of Russia*. 2021;(227):92-114. (In Russ.).
3. Minakir PA. “Strategiya prostranstvennogo razvitiya” v inter'yere kontseptsiy prostranstvennoy organi-

zatsii ekonomiki. *Prostranstvennaya Ekonomika = Spatial Economics*. 2018;(4):8-20. (In Russ.).

4. Bents DS. The effectiveness of a territory's spatial development as an indicator of the regional authorities performance: The case of Chelyabinsk oblast. *Upravlenets — The Manager*. 2021;12(6):49-66. DOI: 10.29141/2218-5003-2021-12-6-4. (In Russ.).

5. Barkhatov VI, Pletnev DA, Kapkaev IuSh. The Ural and Volga regions' centers and periphery in the context of "new normality". *Socium i vlast' = Society and Power*. 2019;(5):65-83. DOI: 10.22394/1996-0522-2019-5-65-83. (In Russ.).

6. Pletnev D, Barkhatov V. Life quality in the Center and Periphery of the Urals and the Volga regions. E3S Web Conf. 2021;258. DOI: 10.1051/e3sconf/202125807044

7. Bukhvald E. "Self-development" of regions and priorities for regulating the spatial structure of the Russian economy. *Federalism*. 2018;(2):32-45. (In Russ.).

8. Bakhtizin AR, Bukhvald EM, Kolchugina AV. Alignment of regions in Russia: illusions of the program and reality of the economy. *Vestnik Instituta ekonomiki Rossiyskoy Akademii Nauk = Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*. 2016;(1):76-91. (In Russ.).

9. Baranov SV, Samarina VP, Shatalova TA. Territorial politics of Russian Federation and unevenness of spatial development. *Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniya = Modern Problems of Science and Education*. 2015;(2-1):280. (In Russ.).

10. Voroshilov NV, Gubanova ES. Territorial Differentiation and Mechanism for its Reduction. *Ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz = Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2018;11(6):57-72. DOI: 10.15838/esc.2018.6.60.4 (In Russ.).

11. Grishina EE, Kazakova YM, Lyashok VY. Wage inequality in Russia: regional and occupational aspects. *Voprosy statistiki*. 2016;(11):45-52. (In Russ.).

12. Zharomsky VS, Migranova LA, Toksanbaeva MS. Socio-economic inequality in Russia: dynamics and estimation method. *Narodonaselenie = Population*. 2018;21(4):89-95. DOI: 10.26653/1561-7785-2018-21-4-08 (In Russ.).

13. Krivoshlykov VS, Zhahov NV, Fomicheva LM. Economics and management interregional differentiation from the point of economic security. *Vestnik Kyrgyzsko-Rossiyskogo Slavyanskogo universiteta = Vestnik KRSU*. 2017;17(2):27-30. (In Russ.).

14. Malkina MUy. Study of the factors of interregional convergence / divergence in real incomes and «social well-being» of Russian regions. *Journal of Economic Regulation*. 2015;6(4):111-119. (In Russ.).

15. Malkina MUy. Social Well-Being of the Russian Federation Regions. *Ekonomika regiona = Economy of Region*. 2017;13(1):49-62. (In Russ.).

16. Krivoshlykov VS, Zhahov NV. Economics and management of interregional differentiation. *Vestnik NGIEI = Bulletin NGIEI*. 2017;(1):119-129. (In Russ.).

17. Perevyshin YN, Sinelnikov-Murylev SG, Trunin PV. Determinants of Price Differentiation across Russian Regions. *Ekonomicheskiy zhurnal Vyshey shkoly ekonomiki = HSE Economic Journal*. 2017;21(3):361-384. (In Russ.).

Информация об авторе

Д. С. Бенц — кандидат экономических наук, доцент, профессор кафедры экономики отраслей и рынков.

Information about the author

D. S. Benz — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Industry and Market Economics.

Статья поступила в редакцию 26.02.2022; одобрена после рецензирования 15.03.2022; принята к публикации 15.03.2022.

The article was submitted 26.02.2022; approved after reviewing 15.03.2022; accepted for publication 15.03.2022.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.